

Объ одномъ изъ педагогическихъ предразсудковъ и о нормальной постановкѣ Закона Божія въ начальной школѣ.

Какъ извѣстно, священ. о. Василій Димитріевъ возбудилъ на страницахъ „Симб. Епарх. Вѣд.“ вопросъ о томъ, какъ нужно преподавать Законъ Божій, если съ одной стороны требуется, чтобы ученики знали текстъ учебника, а съ другой стороны,—чтобы уроки по Закону Божию болѣе всего походили на семейную, отеческую бесѣду законоучителя съ учениками и болѣе всего имѣли вліянія на развитіе религіозно-нравственнаго духа учащихся?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ о. Вас. Димитріева, необходимо сказать, что такъ именно и нужно преподавать Законъ Божій, чтобы ученики и знали текстъ, напр., молитвъ, текстъ катихизиса и т. под., а также чтобы и воспитывались въ религіозно-нравственномъ и церковномъ направленіи. На урокахъ Закона Божія *ученіе должно тѣснѣйшимъ и гармоническимъ образомъ сочетаться съ воспитаніемъ.*

Должно усвоить разъ навсегда, что однимъ изъ наиболѣе вредныхъ педагогическихъ предразсудковъ является убѣжденіе, будто всякое точное заучиваніе того или другого текста близко къ книгѣ, къ учебнику, нецѣлесообразно и не дѣйствуетъ на ученика развивающимъ образомъ. Хотя это убѣжденіе особенно популярнымъ стало лишь въ послѣднее время, однако, не смотря на относительную свою молодость, оно лучшими педагогами считается уже устарѣвшимъ*). Кстати замѣтимъ, что распространенность въ послѣднее время убѣренныхъ и краснорѣчивыхъ разсужденій о непригодности заучиванія объясняется тѣмъ, что въ послѣднее именно время у

*) См., напр., Джемса: „Бесѣды съ учителями“.

насъ многіе то сознательно, но вовсе не по педагогическимъ мотивамъ, то по бессознательному подражанію всему, что въ данный моментъ объявляется моднымъ, очень желали реорганизовать нашу школу въ томъ смыслѣ, чтобы изъ института труда и дисциплины обратить ее въ своеобразное и уродливое политико-увеселительное заведеніе, гдѣ, предполагалось, знанія и развитіе будутъ достигаться „играючи“, среди разговоровъ на политическія темы, въ экскурсіяхъ, въ любительскихъ спектакляхъ, въ разнаго рода спортсменскихъ упражненіяхъ и т. под. На самомъ же дѣлѣ твердое усвоеніе, заучиваніе, учебнаго матеріала является въ дѣлѣ развитія школьника элементомъ до чрезвычайности, исключительно полезнымъ.

Именно:

1) Заучиваніе помогаетъ ученику *точно и опредѣленно усвоить* извѣстный матеріалъ.

2) Заучиваніе *на болѣе долгое время* сохраняетъ въ памяти ученика различныя свѣдѣнія.

3) Оно *содѣйствуетъ развитію* одной изъ важнѣйшихъ способностей человѣческаго духа—*памяти*, столь важной въ практической жизни, а—по связи всѣхъ душевныхъ силъ—содѣйствуетъ развитію и другихъ способностей чловека.

4) Заучиваніе *вырабатываетъ* въ воспитанникѣ *навыкъ къ труду, къ точности, аккуратности и къ положительности* во взглядахъ и поступкахъ, упражняетъ и *укрѣпляетъ волю, парализуя лѣнь, халатность въ сужденіяхъ и въ дѣятельности*, т. е. то, что называется разгильдяйствомъ и легкомысліемъ.

Наконецъ, 5) заучиваніе въ высшей степени *благоприятствуетъ на развитіе языка* школьника, на обогащеніе его рѣчи, вообще скудной и очень часто неправильной, новыми литературными словами, оборотами и живыми образами.

Но, само собою разумѣется, заучиваніе школьнаго матеріала должно имѣть мѣсто лишь послѣ надлежащаго и всесторонняго его уясненія, дабы оно было у ученика *созна-*

тельнымъ, а не механическимъ, каковое, дѣй ствительно, безусловно вредно въ педагогическомъ отношеніи.

Кромѣ того, уясненіе матеріала, подлежащаго заучиванію, и всегда почти, а особенно при преподаваніи Закона Божія, должно быть *сердечнымъ, прочувствованнымъ, живымъ и увлекательнымъ*, должно вліять не на одинъ только умъ ученика, но и на сердце, и на волю, на всю его душу. Слѣдствіемъ такого уясненія будетъ, что ученикъ увлечется предметомъ уясненія и потомъ будетъ учить о немъ не по обязанности, не по велѣнію дисциплины, а по внутреннему интересу къ дѣлу, по *любви* къ нему, по свободному и глубокому *увлеченію* имъ.

Такимъ образомъ, нужно чтобы ученикъ точно и твердо заучивалъ школьный матеріалъ, чтобы—въ частности—на урокахъ Закона Божія наизусть заучивалъ, напр., молитвы, тексты свящ. Писанія и т. дал., но чтобы заучивалъ *сознательно и любовно*.

Но какъ законоучителю достигнуть этого?

Дабы усвоеніе ученикомъ извѣстнаго матеріала было сознательнымъ, законоучитель ни на одномъ урокъ не долженъ забывать о центральныхъ идеяхъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, о мессіанскихъ упованіяхъ, о подготовленіи къ Мессіи и предугазаніяхъ (пророчества, прообразы) на Него въ Ветхомъ Заветѣ и объ идеяхъ и фактахъ любви и искупленія въ Новомъ Заветѣ: съ этими центральными пунктами нашего исповѣданія, съ основнымъ духомъ нашей вѣры законоучитель долженъ связывать всѣ частности предмета, не забывая, конечно, въ свою очередь уяснять всѣ эти частности и изустно, и при помощи наглядныхъ пособій, чертежей, картъ, картинъ и т. под. При такой постановкѣ дѣла, все великое дѣло завета Бога съ человѣкомъ предстанетъ сознанію школьника какъ нѣчто цѣлое и стройное, а также, поскольку это достижимо, и ясное во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Для того же, чтобы преподавание Закона Божия было сердечнымъ и увлекательнымъ, законоучитель, давая обстоятельное и толковое уяснение своего предмета, однако, меньше всего долженъ быть теоретикомъ, меньше всего долженъ заполнять свои уроки отвлеченными умствованиями и тяжело-вѣсной схоластикой. Въ этомъ случаѣ законоучитель долженъ помнить, что одной изъ существенныхъ особенностей христіанства сравнительно съ другими религіозными системами является, между прочимъ, то, что въ немъ Личность Божественнаго Учителя нигдѣ не затемняется доктриною, что—наоборотъ—здѣсь Личность всюду стоитъ впереди и выше ученія и что, въ зависимости отъ этого, въ проповѣди христіанской, въ ученіи о христіанствѣ на первомъ планѣ необходимо имѣть не слова христіанскія, а Божественную Личность Основателя христіанства, Сына Божія, Господа Иисуса Христа, и обращаться съ этимъ ученіемъ ко *всей личности* обучаемого или обучаемыхъ, а не къ мысли только ихъ. „Ученіе Христа неразрывно связано съ Его Личностью, немислимо безъ Нея, какъ единственной въ своемъ родѣ, исключительной, ни съ какою другою несравнимой и неповторимой Личности. И если плодъ ученія Христова, христіанство, есть наивысшая, Божественною благодатию очищенная, преображенная и перерожденная челоувѣчность, то Самъ Христось есть наивысшая, совершеннѣйшая индивидуальность. И въ этомъ изумительномъ, воистину чудесномъ сочетаніи кроется разгадка—съ одной стороны—широкой приложимости христіанства къ временнымъ, мѣстнымъ и расовымъ условіямъ жизни коллективной, т. е. способности и силы его космополитическаго, всенароднаго воздействия, а съ другой—его способности психологически, *субъективно* вліять на отдѣльную личность, иными словами: способности быть одновременно доступнымъ какъ массовому, совокупному, такъ и индивидуальному пониманію и воспріятію. Совершеннѣйшая Личность, историческій Христось, обращался всегда непосредственно къ личности же, и само множество

народное Онъ и Его ученіе понимали, какъ сочетаніе само-бытныхъ же личностей. Какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, только тотъ, кто непосредственно, жизненно воспринялъ Христа, ощутилъ Его „подъ кровомъ смиренной души своей“, только тотъ дѣйствительно воспринялъ и ученіе Его. Вотъ почему для христіанина нѣтъ никакой возможности мыслить какую бы то ни было истину христіанскаго ученія безъ памятованія о Возвѣстившемъ и Подтвердившемъ ее Своею жизнію, Запечатлѣвшимъ ее навѣки Своею крестною смертію и славнымъ воскресеніемъ. (В. А. Кожевниковъ. Христ. Чтеніе. 1911. Май—іюнь). Изъ сказаннаго и должно быть ясно, что какъ само Евангеліе и вся вообще Библия средоточіемъ всего своего повѣствованія и поученія имѣетъ совершеннѣйшую Личность Христа Бога Спасителя, такъ и законоучитель, при преподаваніи своего предмета, непрестанно долженъ возноситься собственною мыслію и чувствомъ, а также возносить чувство и мысль учениковъ къ Личности Христа Бога Спасителя. Это у вѣрующаго законоучителя (а невѣрующихъ законоучителей быть не можетъ) должно вызывать особый подъемъ духа, который и сообщить уроку характеръ особой возвышенности и молитвенной настроенности, что и важно для воспитанія въ ученикахъ • религіозности и христіански-нравственнаго поведенія и для пробужденія и утвержденія въ нихъ любви къ изученію Закона Божія, какъ школьнаго предмета. По связи съ этимъ, не только необходимо предварять и заключать уроки по Закону Божію *пѣніемъ молитвы*, что, къ сожалѣнію, не вездѣ примѣняется, но весьма полезно и самый урокъ въ соответствующихъ мѣстахъ прерывать пѣніемъ относящихся къ уясняемому предмету пѣснопѣній, что въ частности—должно имѣть положительное значеніе и въ смыслѣ оживленія урока, и въ смыслѣ наиболѣе быстрого и точнаго усвоенія текста извѣстнаго пѣснопѣнія (молитвы или тропаря, и, наконецъ, въ смыслѣ развитія любви къ церковному богослуженію, за которымъ по свободному расположе-

нію (идеальная возможность) должны наиболѣе часто присутствовать ученики и — по возможности — принимать въ немъ активное участіе, каковымъ путемъ уроки Закона Божія изъ стѣнъ училища будутъ перенесены въ наилучшую школу — храмъ Божій.

Итакъ, *веди учениковъ къ твердому и точному усвоенію учебнаго матеріала, но веди чрезъ такое уясненіе предмета, какое дѣлало бы усвоеніе его ученикомъ сознательнымъ и свободно-любвымъ*, — вотъ основное методическое правило, какимъ долженъ руководиться законоучитель при преподаваніи въ начальной школѣ Закона Божія.

Н. Колосовъ.